

Александр МАКАРЕНКОВ

Родился в 1962 году в городе Сафоново Смоленской области. Окончил художественно-графический факультет Смоленского государственного педагогического института. Автор иллюстраций более чем к 60 книгам, в том числе к собранию сочинений Б. Васильева в начале 90-х годов («ТРАСТ-ИМАКОМ», «Русич», Смоленск); автор предисловия, составитель и художник первого издания книги Б. Васильева «Офицеры» («Богородский печатник», Москва, 2002). Произ-

ведения А. Макаренкова включены в альбомы «Имена в искусстве России», «Акваживопись», «Живописная Россия». Автор десяти книг и более десятка песенных CD-альбомов.

Лауреат премии Союза журналистов России. Живет в городе Раменское Московской области.

«РЕБЯТА, А ВЕДЬ Я БЫЛ ХОРОШИМ ПИСАТЕЛЕМ!...»

В девяносто втором году осень выдалась хмурой. Москва разлила по улицам серую муть. Ленинградский вокзал встречал и провожал поезда. Через час с минутами я выскочил из последнего вагона электрички на платформу. Прошел через калитку на территорию пансионата «Лесной» - по асфальтовым дорожкам в сторону Ленинградского шоссе. По черной ленте дороги на всех парах летели легковушки, автобусы, тягачи дальнобойщиков. Просочиться сквозь эту нескончаемую вереницу оказалось непросто. Но, как говорится: «Охота пуще неволи». На той стороне - лес.

В глубине леса - желтый, оштукатуренный, в два этажа дом. «Осторожно! Злая собака!» - предупреждала табличка. Только подошел - подлетела овчарка с рыжими подпалинами. Рывкнула. Я решил: для приличия, хлеб отработывает. От дома засвистели. Хозяин запер ее в вольер. Пошел по тропинке меж кустов сирени в

мою сторону. Седой, с седыми аккуратно подстриженными усами. В домашней телогрейке. В рыжей ушанке. В офицерских сапогах. Походка уверенная. Горделивая. Потом только в голове повернется винтик: словно офицер старой гвардии, несмотря ни на что, ступает четко.

- Здравствуйте, Борис Львович. Я из Смоленска.

И встретил улыбку и протянутую в знак приветствия руку:

- Пойдемте в дом.

У Бориса Васильева (2004)

Было чаепитие, расспросы о Смоленске, его обитателях и улицах, об изменениях в городе и неизменных закоулках. Потом, после чая, - узкая лестница на второй этаж. Святая святых - Кабинет. Уютный и тихий. Корешки книг: «Вся Москва. 1900 год», «Вся Россия. 1899». Странно, почему теперь подобных книг не выпускает никто? Видимо, живем в те времена, когда деньги, заработанные честным, непосильным трудом легче вложить в нефть

и газ, нежели в производство, книгоиздание или культуру. Потому сегодня имена Адольфа Маркса, Алексея Суворина, Ивана Сытина, Платона Бекетова и других радетелей о просвещении россиян вспоминают лишь очень немногие книгочеи. Дальше любимый Васильевым «Тихий Дон» Шолохова...

Проницательный Борис Львович уловил скольжение моего взгляда по полкам:

- «Тихий Дон» раньше перечитывал регулярно. Учился. Непрестанно учиться не зазорно. Наоборот даже - любопытно, вероятно интересно. Я ведь учился писать, переписывая от руки, к примеру, Чехова, Достоевского. А вот Гоголя не смог. Он другой. Он потрясающий поэт в прозе. Я уяснил для себя главное: писатель не может быть скучным. Его биография нужна ему лишь для вышивания причудливых цветов, диковинных зверей и детских наивных орнаментов. Между ложью и сочинительством такая же разница, какая существует между убийством с заранее обдуманым намерением и праздничным маскарадом.

- Но ведь биография включает определенный жизненный опыт, навыки, привычки. Значит, человек будет писать только о том, что знает? - уточняю.

- Я всегда писал и пишу о том, что знаю до последней запятой, до крайней точки. Война у меня пистолетно-пулеметная потому, что я прожил ее. Что такое ползать по-пластунски, делать перебежки, я знал с детства, - отец учил. Кроме того, благодаря его науке - чтению топографических карт, ориентированию на местности - в сорок первом мне удалось выйти из окружения и вывести несколько человек. Наши блуждания по лесам и болотам начались в первых числах июля левее города Красный и закончились лишь в начале октября под станцией Глинка. Именно тогда я понял, что такое усталость, невероятный голод, риск быть убитым или взятым в плен. Потом были кавалерийская школа, стрелковая часть, десант, контузия под Вязьмой и - бронетанковая академия, в которой мне посчастливилось встретить Зореньку.

* * *

Какое-то время мне не давала покоя вбитая учителями формула написания литературного произведения, особенно - «план про-

изведения», после составления которого писатель садится за стол и принимается ворочать словесную руду. Не мог не задать вопрос по этому поводу, а ответ получил забавный:

- Какой там план, Сашенька?! Один раз попробовал с планом и - загубил. После того, как сложился в голове основной сюжет, когда известен финал задуманного, начинаются муки. Их можно сравнить, наверное, с адскими. Мучительны поиски первого слова. Предложения. Это бывает очень подолгу. Но как только появилась первая фраза - бегом за стол! И чтобы никто не отвлекал. Иначе уйдет важное! Не только канва, но - настрой. Тогда меня никто из домашних не просто не трогает. - и он достает из кармашка рубахи пачку «Camel» с вечным верблюдом.

* * *

Булгаковскую фразу: «Рукописи не горят» мы принимаем за аксиому. Верим в нее. Ведь на самом деле никто не читал сожженного автором продолжения «Мертвых душ». А тут такое: по телевизору идет фильм «Аты-баты, шли солдаты», в титрах которого значатся авторы сценария: Борис Васильев и Кирилл Рапопорт. Но нигде и никогда я не читал, даже не встречал такого литературного произведения. Именно поэтому предполагал, что «Аты-баты.» - исключительно фильм, созданный друзьями-сценаристами.

Повесть была написана в семьдесят четвертом. Не пришлось по душе одному из литературных корифеев - редактору толстого журнала. Васильев не стал корпеть над перелопачиванием созданного, он ее просто сжег. Лишь один экземпляр по недосмотру остался в мусорной корзине. И надо же случиться такому - именно тогда приехал повидаться с Васильевым Кирилл Иосифович Рапопорт, с которым уже были сняты и «След в океане», и «Королевская регата» и «Офицеры».

- Боренька, дай чего-нибудь из мусорной корзины почитать, - попросил Рапопорт.

- Возьми, не жалко, - бросил в сердцах Васильев.

Рапопорт вчитался. Позвонил спустя несколько дней:

- Боря, сценарий сделаем?

Так появился сначала совместный сценарий, а потом - фильм. А повесть? Сгорела. Единственный экземпляр оставался в доме

друга, но тоже вопрос: остался ли? Да и Кирилла Иосифовича уже нет на земле. А фильм смотрит и смотрит не одно поколение. И с экрана герой картины Сват-Быков запекает заливчатскую строевую: «Аты-баты, шли солдаты, / Аты-баты - на войну! / А нам бы кралю, нам бы - кралю! / Нам бы кралю хоть одну-у!». И ошалевший проверяющий спрашивает: «Что за песня?», - а комбат, закашлявшись, отвечает: «По долинам и по взгорьям.». И сколько в этих фразах юмора, того, васьковского, примечательного!

Меня мучил вопрос, на который я решился в один из следующих приездов. Если есть фильм «Аты-баты.» и была литературная основа, значит, надо, чтобы она обрела дыхание. Целый день, словно банный лист, я не отлипал от Бориса Львовича. Утром снова принялся за вчерашнее. А во время обеда, после которого мне нужно было уезжать, я услышал важное:

- Сашенька, вот сейчас закончу роман, попытаюсь выполнить твою просьбу. Но это будет больше киноповесть, чем то, что было ранее. Много из памяти вылетело. Думаю, месяца через два-три.

Через три месяца я звонил по любимому номеру. Трубку взяла, как обычно, Зоря Альбертовна:

- Приезжай. Готово.

И я рванул в Сенеж.

* * *

В один из моих приездов Борис Васильев неожиданно спросил:

- Сашенька, знаешь, какого калибра выпускали макароны в советские времена?

Этим вопросом он поставил меня не просто в тупик. Поверг в недоумение. Какое отношение макароны могут иметь к калибру? Их ведь не миллиметрами измеряют, а килограммами. Оказалось, нужно смотреть глубже. Дальше. Дальновидностью, похоже, я не обладаю. На мое пожатие плечами Васильев выдал совершенно простую, но потрясающую фразу, которая заставила меня перестать пожимать плечами: диаметр макарон был 7,62 миллиметра! Такой же, как основной калибр стрелкового оружия! А поскольку Россия всегда должна была или обороняться от внешних врагов, или искать, находить и уничтожать врагов внутри страны, патро-

нов нужна уйма! А какой завод легче всего перестроить на военные рельсы с гражданских в случае войны? Вот и придумали такой простой, но, как видишь, гениальнейший инженерный ход!

* * *

При очередной встрече мы весь день проговорили о жизни в деревне. О брошенных на произвол судьбы поселках и совхозах, о полях, поросших бурьяном и давно не знавших плуга или доброго семени. Мои братья живут не в самой глубинке Смоленщины. Точнее - выживают. Старший служит егерем и может вздохнуть полегче лишь изредка, когда приедут «особые люди» в погонах или без оных, но - с положением, чтобы поохотиться. Младший вкалывает на лесопилке, бьется, пытается открыть свой цех по производству окон, дверей, прочей столярной мелочи, а все никак не сводятся концы с концами. Хорошо еще - огородики свои. Подспорье, можно сказать, основное. А что говорить о тех, кто живёт в глухомани? О них вспоминают лишь во времена выборов...

Потом поделились впечатлениями о Чеченской кампании, которая стала не столько полигоном для испытания новых видов вооружения, сколько - для отмывания денег. Не удержался, рассказал, что видел фильм, привезенный знакомыми спецназовцами оттуда. Страшно!

Васильев при этом был хмур и озабочен. Чуть позже стало ясно - отчего. Он заканчивал новый роман, тяжелый, сумрачный, который назвал «Глухомань». Более того, после выхода книги писатель загремел в больницу. Так трудно далась ему книга, которая заканчивается словами героини:

«... Мы живем, как все, как вся русская глухомань.

Почему мы живем так неуклюже, так громко и так фальшиво? Ворует, верим обещаниям, врем, пьем и бездельничаем? Почему? За что нам это проклятие?..

Мне кажется, что многое, очень многое объясняет последняя запись моего мужа: «ЭТО НЕ МЫ ЖИВЕМ В ГЛУХОМАНИ. ЭТО ГЛУХОМАНЬ ЖИВЕТ В НАС».

Да уж, прожить такие мысли непросто. Не каждому дано.

А начинается роман такой фразой: «Хуже всего переваривается пуля из винчестера времен англо-бурской войны. Особенно ес-

ли она до сей поры сидит в вашей заднице, уж это я знаю по личному опыту. Не верите?..» И дальше - о макаронах.

* * *

В семьдесят третьем году фильм «А зори здесь тихие» номинировался на приз американской киноакадемии «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке. К сожалению, приз не дали. Но зато - автор повести попал за границу Союза. Да не куда-то, а в Соединенные Штаты! Сердце «загнивающего» капиталистического общества не показалось изношенным или измученным. Круговерть огней, показы, пресса могли запросто голову вскружить. Но самым потрясающим впечатлением оказалась поездка в Мексику!

- У меня же нет визы! - воскликнул он на предложение принимающей стороны мотнуть в сопредельную страну и попробовать настоящей текилы.

- Не волнуйся, все будет нормально. Только рта не раскрывай на границе, - приказали приятели, и машина рванула с места.

- На границе - продолжает Васильев - нас посчитали по головам. Я вжался в сиденье так, что думал - окажусь на асфальте. Прикрыл глаза какой-то шляпой. Сделал вид, что дремлю. А внутри всё прыгает, клокочет! Смуглолицый пограничник посмотрел, сделал какую-то запись и пожелал счастливого пути. Я был в шоке! - Борис Львович рассказывает, а глаза блестят, словно всё произошло только вчера. - Оказалось, страж спросил, надолго ли мы в страну. Водитель ответил: выпить текилы и - обратно. Каково же было мое удивление, когда нас - весьма веселых - на обратном пути он снова просто посчитал по головам и пропустил! До сей поры не могу понять, как так можно? Просто зафиксировал в книжке количество «голов» и - впустил.

...А церемония вручения приза - это, конечно, действо. Что самое забавное - мы были в шаге от статуэтки! А главный приз тогда получила лента «Кабаре» с Майклом Йорком и Лайзой Минелли. Фильм, конечно, восхитительный.

Он традиционно провожает меня до калитки. Обнимаемся. Прижимаюсь щекой к его гладко выбритой щеке. Ощущаю жесткость усов. Рукопожатие. Его тихий выдох:

- Поклон Смоленску. Приезжай. Жду

Как-то, во время работы над историческими романами, когда мы сидели в его кабинете, Борис Львович заговорил о турецком иге и татаро-монгольском нашествии:

- Меня интересовало не только само турецкое иго и его приметы. Но и в чём его отличие от татаро-монгольского нашествия. Далеко ходить за примерами не надо: Греция, Армения, Россия. Почему в одном случае - иго, а в другом - нашествие? Сейчас поймешь.

Историки единодушно сошлись во мнении об основных признаках ига:

первое - геноцид коренного населения;

второе - поголовное уничтожение дворянства как военной касты;

третье - уничтожение основной религии, её церквей, монастырей и священников.

Если задуматься, ни Болгария, ни Греция, ни Армения сегодня не имеют родового дворянства. Христианские храмы сохранились? Мало. Они заведомо ниже минаретов. Во всех этих странах приведут сотни примеров уничтожения монастырей, церквей и священнослужителей. Но самое любопытное - татаро-монгольское иго под эту классификацию не подпадает! Русских дворян татары не уничтожали, церкви и монастыри не трогали, даже налогов с них не собирали, что позволило русской церкви избавиться от «двоеверия». Получается, что ига никогда на Руси не существовало! Была вассальная зависимость от Золотой Орды! Русь платила дань, а за это татарские войска охраняли ее границы. Это дало возможность русскому государству не воевать более ста лет! Однако эти же самые признаки ига сошлись полностью на временах господства большевиков. Дворянство было практически уничтожено, храмы повсеместно закрывались, а то и попросту взрывались, священнослужителей отправляли в концлагеря. Из песни слова не выбросишь: что было - то было. А было самое натуральное иго. Единственный в истории человечества пример покорения собственного народа.

* * *

Зоря Альбертовна вспоминала:

- В Болгарию мы попали после успеха «Зорь». Хотелось искупаться в море. Отдохнуть. Нам предоставили машину, и мы могли проехать всю страну вдоль и поперек. В день отлёта зашли в «Работническое дело» - главную газету Болгарии. Сравнить ее можно с нашей «Правдой». Это был семьдесят четвертый год. Надвигалось столетие русско-турецкой войны, и главный редактор стал просить Борю написать об этой войне.

Борис Львович вставил и свою фразу в рассказ жены:

- Да ведь мои предки принимали весьма серьезное участие в той войне.

- Боря колебался-колебался и начал писать, - продолжила Зоря Альбертовна.

* * *

Однажды я задал Васильеву вопрос:

- Борис Львович, а ведь в то время, когда вы писали «В списках не значился», уже была написана и прошла с громадным успехом книга Сергея Смирнова «Брестская крепость», где главное действующее лицо - майор Гаврилов. Для чего и почему вы взялись за эту тему?

Он ответил не сразу. Закурил и после первой затяжки огоршился:

- На самом деле я не собирался писать о крепости. Мы приехали туда в то время, когда еще повсюду валялись обломки кирпичей, во все казематы, форты можно было войти и увидеть не только оплавленный после расстрела огнеметами кирпич, но - стреляные гильзы, какие-то обрывки тряпок. Казалось, всё произошло вчера. Первым посылом было не просто волнение - нечто большее. Я понял, что нужно рассказать об обороне крепости своими словами. Тем более, что по некоторым сведениям, немцы всю зиму, до апреля сорок второго года, нет-нет, да увозили из крепости раненых или убитых фашистов. Что это значит? Значит, что кто-то еще воевал! А закрытые кадры немецкой хроники о параде в крепости? Ведь парадное прохождение строя показывали не полностью! Почему? Потому, что в полной версии с Тереспольских

ворот на парадный серый строй бросился неизвестный русский солдат со связкой гранат.

Мне стало ясно, что не написать об этих событиях он не мог. Потому - засел в архивах.

Я поинтересовался:

- Скрипач из ресторана «Брест» Рувим Свицкий, Мирра. они наверняка были. Может быть, звали их как-то иначе. Город и теперь населён множеством людей разных национальностей. И все-таки: Свицкий - фигура вымышленная?

- Вполне вероятно, что - нет. Хорошие скрипачи и отменные портные, как правило, были евреями. Эту нацию рассеяли по планете времена и люди. Но в Белоруссии, как и в Польше, как и в Смоленске, их было достаточно. Черта оседлости подразумевала. Почему не могут на границе Западной области, а именно так называлась эта территория перед войной, жить подобные персонажи? Тем более что, судя по воспоминаниям старшины Дурасова, подобный случай со скрипачом из ресторана, одним из последних защитников крепости, был. Именно старшина рассказал о событии в апреле 1942 года. Это есть в архивах мемориального музея крепости. Мне оставалось только прожить этот сюжет и рассказать о нем так, как я чувствую.

- А Коля Плужников? Этот человек действительно был среди защитников крепости?

- Их было много, Плужниковых-защитников. Я просто подумал о том, что, чем дальше от той страшной даты начала войны, тем меньше остается известных солдат.

- Это имя и фамилия Бориного одноклассника, который погиб во время войны, - вздохнула Зоря. - Они дружили.

* * *

Последний материал о Васильевых случилось писать в 2009 году. Тогда уже интервью практически не давались. Но Зоренька на мой вопрос о просьбе Юрия Михайловича Полякова написать в «Литературку» ответила с улыбкой:

- Ты же знаешь, Боря тебе не откажет.

И теперь хочется вернуться в то время хотя бы на чуть-чуть. Разговор был весьма любопытным. Отзывы на интервью оказались разными.

Я спросил:

- Во все времена утверждали, что интеллигенция играет особую роль в истории любого народа. Русская интеллигенция - это нечто совершенно иное, нежели французская или английская?

У Васильевых (2009)

- Так и есть. - Борис Львович оживился. - Интеллигентом нельзя стать, получив дюжину дипломов. Для России это категория нравственная и совершенно не мера образовательного ценза. Она востребована историей для святой цели: выявить личность в человеке, укрепить нравственно, вооружить мужеством индивидуальности. Без ошибок нет истории. Потому интеллигенция породила не только Ленина, с его харизмой и искривлёнными немецкими идеями, но и Герцена, который утверждал, что для торжества демократии нужно сначала вырастить демократов! Высочайшую

нравственность русской интеллигенции, её чувство сопричастности судьбе народа отринули левые экстремисты, когда захватили власть. Для них удобнее послушный специалист, нежели думающий, сомневающийся интеллигент. Именно поэтому поколение интеллигенции начала прошлого, двадцатого, века было поставлено перед дилеммой: либо конформистское служение властям, либо - уничтожение. А если уж речь зашла об этом, следовательно, и семью необходимо свести на нет.

Нам свойственна детская непосредственность во всём, - продолжал писатель, - и детская жестокость. Ещё Пушкин называл наш народ младенческим. Но он не имел в виду его возраст. За время, которое прошло после поля Куликова, мы всегда опекались батюшками. Таковыми были государь, барин, священник. Мы привыкли перекладывать свои проблемы, заботы, ответственность на их плечи: «Вот приедет барин - барин нас рассудит». И спасти нас от этого иждивенчества может лишь собственная интеллигенция.

- Вы считаете, что она непременно появится?

- Для этого должно пройти время. Новая интеллигенция возьмёт на себя тяжкий крест нравственного возрождения народа и обязательно избавит его от далеко не бескорыстного патронажа властных структур. Я твёрдо верю в это.

* * *

Любовь к истории жила в Борисе Львовиче всегда. Все романы серии Рюриковичей увлекательны, глубоки и убедительны. Кто-то может сказать: выдумка. Согласен! Но не в исторических фактах или событиях. Они точны, выверены по событиям и датам. Борис Львович, замечу, писал художественные произведения, а отнюдь не исторические исследования.

У меня же возник вопрос о веке ушедшем. Вот мысли Бориса Львовича:

- Весь XX век мы плыли поперёк исторического течения. В него мы бросились 1 марта 1881 года, когда был убит мирный реформатор Александр II. В феврале 1917-го у нас появился маленький шанс опомниться и развернуться по течению. Но Россия, что

парадоксально, в массе своей мыслить не умеет. Зато прекрасно заучивает и переиначивает, переставляет с ног на голову понятия и слова. И события Октября 17-го в первой Большой советской энциклопедии именовались октябрьским переворотом, а чуть позже мы получили Великую Октябрьскую революцию. Лгали вожди и секретари разного ранга, газеты и радио, литература и кинематограф. Горький когда-то сказал: «Ложь - религия рабов и хозяев». И эту религию мы исповедуем до сей поры. Не православие, не ислам, не католицизм, не иудаизм! Во всех религиях ложь - тяжкий грех. А когда-то Россия говорила правду. Мама всегда уверяла меня, что ложь написана у меня на лбу, следовательно, лгать запрещалось. И как хотелось скрыть озорство или детские поступки! Меня хорошо и строго воспитывали. А сегодня, кажется мне, воспитание заменили образованием. И выдаётся это за величайшее достижение. Это знак безнравственности и отнюдь не признак нового капитализма. Это тавро, выжженное советской властью на долгие времена. Думаю, на полтора столетия, не меньше. Только за это время история может нам простить вмешательство в её поступательное движение, только за это время она сможет простить нам смерть государя. Если вернуться к тому понятию, которое необходимо России, - к интеллигенции, то Ева протянула Адаму не яблоко, а плод Добра и Зла. Вкус, цвет, аромат, зрелость, полезность этого плода определяет небольшая прослойка, именуемая в России интеллигенцией. Без неё можно проглотить не то, отравиться и очень сильно расстроить собственный живот. Без интеллигенции вообще невозможно существование человеческого общества.

- Если говорить о культуре сегодня, о мизере, который выделяется правительством на её развитие из бюджета страны - культура присутствует в стране или уже нашлись подмены и новые гипертрофированные понятия?

- К сожалению, под культурой сегодня официально понимаются только искусство и обслуживающие его институты - театры, библиотеки, музеи. Но это всего лишь часть общечеловеческой, общенациональной культуры. Под культурой Россия когда-то понимала весь спектр духовного выживания человека. Прежде всего - нравственность. Культура - право каждого на свободу совести,

слова, самовыражение, неприкосновенность жилища, добровольный выбор местожительства. Это отношение к женщине, детству, старости. Это - историческая память народа, его традиции, религия, национальная кухня, система семейного воспитания, представление о долге перед обществом. Интересно, что советская власть возложила функции культуры на образование. Поэтому у культуры появилось некое мерило: начальное, среднее, высшее образование, наличие диплома превратилось в знак культурного уровня его обладателя. Я могу утверждать, - говорит Борис Львович, доставая новую сигарету, - что родился в среде провинциальной интеллигенции, большую часть жизни просуществовал при советской интеллигенции, которая являла собой интеллигенцию вне национальности и вне какой бы то ни было национальной культуры, а помирать мне, видимо, придётся при полном торжестве российского обывателя. Доказательство тому - тоска, которую испытываю, слушая бесцветные речи наших депутатов, доклады наших генералов, комментарии ведущих почти всех телевизионных программ, и густой заряд обывательщины в самом простом, старорусском смысле этого слова, который извергается с телеэкранов ежевечерне. Получается, что время моей жизни шло как бы назад, из общества демократического в общество средневекового абсолюта.

Неожиданно у меня возник вопрос, ответ на который знал заранее. Но захотелось этот ответ услышать от Бориса Львовича, потому и спросил:

- Всё в жизни, как и в разговорах, взаимосвязано... Что для вас сегодня Смоленск?

Он потеплел:

- Смоленск. Колыбель моего детства, от которой остались лишь осколки, как от греческих амфор и самого моего детства. Его крепость выдержала множество осад, но не смогла вынести послевоенного лихорадочного строительства. Он растворился в новых улицах - прямых и безадресных. Большая Дворянская ведёт в прошлое. А Большая Советская оказалась тупиком. В городе моего детства был храм. Двери его были распахнуты во все стороны света, и никто не стремился узнать имя твоего Бога, адрес твоего ис-

поведника. Никто не спрашивал, какой ты национальности и кто твои родители. Имя этого храма - Добро. Мне трудно сказать, что было вместилищем этого Добра - детство или Смоленск. Во мне всегда живёт первый дом земного бытия, который находился на Покровском холме. Это был лучший дом на земле. В нём жила не только сама гармония, но и ручная белая крыса без хвоста, аккуратность которой за столом - мы с ней вместе завтракали, обедали и ужинали - мама всегда ставила мне в пример. К семидесятилетию, ты помнишь, мой родной город удостоил меня звания Почётного гражданина. Я мечтал о многом, но об этом - нет. И тем выше и бесценнее для меня эта награда.

Липовая аллея в селе Высокое Ельнинского уезда

* * *

.Февраль 2012 года. Какое-то количество денег правительство выделило на празднование юбилея со дня начала большой десантной операции Красной Армии в районе Вязьмы. Тогда, в феврале 1942 года, около десяти тысяч солдат были брошены для со-

единения двух фронтов и окружения армий немецкой группы «Центр». Но до нынешнего дня так и неизвестно, сколько же десантников осталось в живых. В скупых исторических отчетах находишь: «К месту сбора после высадки 8-й воздушно-десантной бригады из двух с половиной тысяч человек добрались лишь около тысячи трехсот». А была ведь и вторая, более мощная по количеству солдат высадка на головы врага, которая «проходила при активном противодействии немцев»! Поставленную задачу выполнить не смогли. Лишь в июне остатки десантников вышли на соединение с основными частями Красной Армии.

И тут вспомнилось: в марте 1943 года в боях под Вязьмой получил тяжелую контузию командир взвода 8-го гвардейского воздушно-десантного полка 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии сержант Борис Васильев. После взрыва мины очнулся он в костромском госпитале с мыслью: «Ребята вытащили, не оставили. Спасибо им.».

* * *

Мне вспомнилась строчка из стихотворения питерского поэта Александра Кушнера: «Времена не выбирают.». Следом возникло ощущение: в этих временах главное - найти своих и успокоиться. Этой фразой одарил режиссер Владимир Хотиненко не лично меня, а всю страну. Хорошая фраза. А что остаётся мне? Остаются именно эти дни, которые проводил с Васильевыми. Когда входил в их дом. Когда в кресле видел Бориса Львовича.

Вот он, привычно приподняв очки, читает. Судя по обложке - одну из собственных книг. Рядом, на подлокотнике кресла, лежит томик Льва Гумилева. Борис Львович видит нас с женой, встает навстречу и тихо роняет:

- Ребята, а ведь я был хорошим писателем!..

Что тут сказать? И оттого, наверное, невпопад лепечу:

- Мы недавно были в Питере. В Эрмитаж ходили ради трех вещей: повидаться с Рембрандтом, импрессионистами и посетить портретную галерею героев 1812 года. Нашли-таки портрет генерал-лейтенанта Ильи Ивановича Алексеева. Прошу отметить, Борис Львович, что отыскивали портретное сходство с вами. Только одно отличие обнаружили. У генерала усы залихватски закручены

вверх, а вот у инженера-капитана Васильева они аккуратно подстрижены и вовсе не закручены.

- Тогда мода такая была.

И всё. И улыбка. А в ней великолепная штука - жизнь!

- А ты знаешь, ведь мы как-то с Зорей, когда ездили в Ленинград, зашли в портретную галерею, потом в оружейную. Там почему-то оказались некоторые витрины открыты. И я увидел саблю моего прадеда. Поскольку я всегда относился к предкам с величайшим уважением, я просто обалдел! Потом взял саблю. Служители опешили, и я, пользуясь моментом, вытащил немного клинок из ножен, поцеловал его и вернул обратно в витрину. В этот момент подлетела женщина, начала костерить меня на чем свет стоит. Зоренька меня защитила: «Это сабля его прадеда - генерала Алексеева», - сказала она. И тогда опешила смотритель зала. Вот какая история произошла с нами, - заулыбался Васильев.

На это Зоренька несколько хитровато заметила: «Боря - великий сочинитель»...

* * *

Перечитываю написанное и оставляю в конце многоточие. Пусть будет именно так. Ведь многоточие ставится тогда, когда повествование не закончено или предполагает продолжение.